

Статья опубликована в журнале «Российская история» (2010. № 3. С. 3—18).

© Минц М. М., 2010

© Журнал «Российская история», 2010

Данная статья распространяется по лицензии Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 3.0 Unported (Атрибуция — Некоммерческое использование — С сохранением условий). Чтобы ознакомиться с экземпляром этой лицензии, посетите <http://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/3.0/deed.ru> или отправьте письмо на адрес Creative Commons: 171 Second Street, Suite 300, San Francisco, California, 94105, USA.

Для использования статьи на иных условиях требуется письменное разрешение редакции журнала «Российская история».

Из истории Великой Отечественной войны

© 2010 г. М.М. МИНЦ*

«СТРАТЕГИЯ СОКРУШЕНИЯ»: СТРАТЕГИЧЕСКАЯ И ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИИ БУДУЩЕЙ ВОЙНЫ В СТРУКТУРЕ СОВЕТСКОЙ ВОЕННОЙ ДОКТРИНЫ 1930-х – НАЧАЛА 1940-х годов

Обстоятельства начала Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. до сих пор остаются предметом самого пристального внимания исследователей, однако в современной историографии, к сожалению, по-прежнему преобладают работы, посвященные лишь относительно короткому периоду, непосредственно предшествующему началу войны (1939–1941 гг.). По-видимому, здесь сохраняется влияние разгоревшейся еще в 1990-х гг. «незапланированной дискуссии» вокруг книг В.А. Суворова, основным предметом которой с самого начала стал его ключевой тезис о том, что в 1941 г. СССР готовился к нападению на Германию. Между тем, как представляется, более глубокое понимание предыстории и истории Великой Отечественной войны возможно лишь в том случае, если рассмотреть эти проблемы в более широком контексте, причем не только событийном. В конце концов, к будущему противоборству с «мировым империализмом» СССР начал готовиться задолго до Второй мировой. Война с Германией, разразившаяся в июне 1941 г., по своим масштабам вполне соответствовала ожиданиям тех лет и в этом отношении стала для советского государства и его вооруженных сил своеобразным экзаменом, подведя итоги работе, проделанной в течение межвоенного периода. Поэтому изучение мероприятий по совершенствованию вооруженных сил и подготовке к будущей войне, проводившихся в нашей стране в 1920–1930-х гг., ничуть не менее важно, чем изучение событий 1939–1941 гг. Не меньшее значение имеет и исследование тех представленных моделей, которые лежали в основе важнейших политических и стратегических решений, принимавшихся в указанный период.

Активное изучение такой проблемы, как представления советского руководства и военной элиты о будущей войне в 1929–1941 гг., т.е. в период первых пятилеток, началось относительно недавно¹ и до сих пор находится в известной мере на начальной стадии. Между тем значение данного вопроса нельзя недооценивать, ведь именно представлениями о будущей войне, вкупе с конкретной складывающейся обстановкой, определялись направление и содержание подготовки к предстоящим сражениям. Поступки человека зависят не столько от объективных условий как таковых, сколько от результатов их осмысления, причем, как показывает опыт (в том числе и опыт Второй мировой войны), представления о сложившейся обстановке могут сильно расходиться с действительностью. Именно поэтому так важно выяснить, какой представлялась грядущая война руководителям СССР на протяжении 1920-х и, особенно, 1930-х гг., когда происходила масштабная реконструкция вооруженных сил. Это позволило бы выстроить факты событийной истории в целостную картину, уточнить логику принимавшихся решений и в конечном итоге значительно глубже понять истоки поражений РККА летом – осенью 1941 г.

* Минц Михаил Михайлович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН.

Фактически речь идет о военно-доктринальных установках советского руководства, сформировавшихся на протяжении межвоенного периода, но так и не оформленных в виде официального документа. Кроме того, представляют интерес и такие основанные на военной доктрине практические представления как оценки технической оснащенности своей армии в сравнении с армиями вероятных противников и предполагаемыми требованиями будущей войны, а также оценки уровня подготовки личного состава собственных вооруженных сил. Особый предмет для изучения составляют материалы стратегического планирования в мирное время: в определенном смысле они являются попыткой нарисовать более конкретный и детализированный образ предстоящей войны.

В структуре военной доктрины традиционно выделять политическую составляющую и собственно военную² (в прежней советской терминологии – военно-техническую³). Именно последней, содержащей представления о способах ведения будущей войны и использования различных видов вооружения и военной техники, а также сделанным на основе этих представлений практическим выводам посвящена настоящая статья.

Важно, однако, учитывать то обстоятельство, что выработка военной доктрины происходит на фоне и в значительной степени под влиянием исследований военных теоретиков, нацеленных на предвидение характера будущих войн. Кроме того, отдельные, хотя и немногие, советские военные теоретики сами имели непосредственное отношение к военно-политическому руководству. С учетом всего этого представляется необходимым перед тем, как переходить собственно к военно-доктринальным установкам советского руководства, рассмотреть бытовавшие в Советском Союзе теоретические представления о стратегическом и военно-техническом характере будущей войны.

Теоретические дискуссии и их результаты

Характер будущей войны – вопрос неоднозначный, и это осознавалось на протяжении рассматриваемого периода. Так, еще в 1926 г. начальник Штаба РККА М.Н. Тухачевский в своем докладе «Вопросы современной стратегии» отмечал по опыту Первой мировой войны, что характер будущей войны можно спрогнозировать лишь в самом общем виде, поскольку на протяжении многолетнего противостояния он неизбежно претерпит радикальные изменения (как это уже произошло в течение 1914–1918 гг.), предвидеть которые практически невозможно⁴. Аналогичные идеи высказывал и В.К. Триандафиллов⁵. В советской военной теории и военном планировании весьма обстоятельно разрабатывались проблемы первого периода войны, однако делались и попытки представить, хотя бы в общих чертах, характерные черты будущей войны в целом. Попробуем подытожить результаты этой работы.

В 1933 г. безымянный автор брошюры «Опасность империалистической войны и интервенции в Европе» (пособие для пропагандистов, подготовленное в Коммунистической академии по заказу культпропотдела Политуправления РККА) утверждал: «Интервенция против Советского Союза во второй пятилетке должна принять характер “большой войны”»⁶. Описания того, какой смысл вкладывался в эти слова, можно найти в самых разных источниках. Предполагалось, прежде всего, что война неизбежно примет затяжной характер, а исход ее во многом будет зависеть от наличия необходимых ресурсов и способности государства целесообразно их использовать. Война потребует максимального напряжения всех сил страны, тотальной экономической мобилизации, полного перевода всей экономики на военные рельсы. Триандафиллов даже допускал, что ряд отраслей промышленности, не имеющих военного значения, может прекратить работу⁷. В водоворот войны будет вовлечено буквально все население враждующих стран, тем более что по мере развития современных средств борьбы граница между фронтом и тылом в значительной степени будет размыта.

На эти представления о характере грядущих сражений, несомненно, оказал значительное влияние опыт Первой мировой войны, осмысление которого продолжалось

в послевоенные годы. Сыграло свою роль и дальнейшее развитие современных вооружений. Поэтому доминирующим на всем протяжении рассматриваемого периода был также образ предстоящей войны как «войны моторов», в которой ключевая роль будет принадлежать техническим родам войск (авиация, танки, мотопехота). Разработанная на рубеже 1920–1930-х гг. теория глубокого боя и глубокой операции намечала новые способы ведения боевых действий в этих условиях. Менялись представления о задачах, которые предстоит решать различным родам оружия в будущей войне.

Так, в начале 1930-х гг. еще предполагалось, что танковые войска должны применяться только в тесном взаимодействии с другими родами войск⁸. Позже появилась и была осознана возможность применять танковые соединения для решения самостоятельных задач оперативного масштаба. Триандафиллов (в то время заместитель начальника Штаба РККА) в 1929 г. отмечал возросшую огневую мощь конницы, но, тем не менее, склонялся к тому, что в предстоящей войне она будет применяться лишь как мощный, чрезвычайно подвижный огневой резерв. Ведение боя в конном строю, по его мнению, отошло в прошлое⁹. К.Е. Ворошилов в заключительном слове на заседании Военного совета при наркомате обороны 21–27 ноября 1937 г. также отмечал, что численность конницы необходимо сократить, уделив больше внимания ее подготовке к действиям в пешем строю, к защите от ударов авиации. В современной войне на западном театре, считал нарком, конница будет играть второстепенную, если не третьестепенную, роль. Условия, которые существовали в Гражданскую войну, больше не повторяются. Разве что на Ближнем Востоке или в Средней Азии еще, может быть, удастся применять конницу в прежних масштабах¹⁰. Двумя годами ранее в телеграмме Сталину в Москву из Киева о результатах маневров в Киевском военном округе он специально остановился на проблемах, возникших при использовании конницы, обратив, в частности, особое внимание на ее уязвимость от действий вражеской авиации (Ворошилов предлагал даже ввести в состав кавалерийских соединений авиационные части)¹¹. Наконец, на известном совещании высшего командного состава 23–31 декабря 1940 г. ведущая роль уже безусловно отводилась танковым войскам¹². В то же время концепция малочисленных, сверхмеханизированных армий не получила широкого распространения, и преобладающим осталось представление о том, что массовые армии сохраняются и в техническую эпоху.

Значительная роль в будущей войне отводилась и авиации. Здесь сказались не только общие представления о возрастающем значении военной техники, но и попытки учесть в расчетах особенности театров военных действий, на которых предстояло воевать Красной армии. «В строительстве вооруженных сил страны, – писал командующий войсками Белорусского военного округа И.П. Уборевич Г.К. Орджоникидзе 17 августа 1936 г. – при нынешней военно-политической ситуации и учитывая слабость наших железных дорог (с точки зрения маневра военными силами и снабжения на Западе и Востоке) и морского флота, – авиация является самым *острым*, самым *важным средством обороны* и в то же время *сложным* и *трудным* для создания в мирное время и поддержания на высоте в военное время»¹³.

Некоторые попытки составить более точные прогнозы приводили к результатам, которые с высоты последующих десятилетий могут показаться курьезными. Так, например, Тухачевский в статье «Новые вопросы войны», написанной в 1931–1932 гг. (он тогда был начальником вооружений РККА) и опубликованной впервые в 1962 г., рассуждает, в частности, о том, какие типы танков потребуются армии в современной войне. Примечательно, что при этом гусеничному танку Тухачевский при прочих равных условиях предпочитает колесно-гусеничный, а танк с артиллерийским вооружением еще считает машиной специального назначения (подавление артиллерии противника в глубине обороны, борьба с вражескими танками в составе механизированного соединения). В то же время предлагается для действий в глубине обороны противника создавать телеуправляемые танки, поскольку при современном уровне развития артиллерии обычные машины могут оказаться недостаточно живучими¹⁴. С описанными идеями перекликаются и знаменитые предложения Тухачевского о реконструкции

армии, высказанные им в 1930 г. В своей записке на имя Ворошилова за № 08/сс от 11 января 1930 г. он предположил, что численность армии в военное время должна определяться транспортными возможностями страны, а количество военной техники в строю – производственными возможностями, причем не только и даже не столько военной, сколько гражданской промышленности (в записке, к примеру, предлагается исходить из расчета один танк на 1–2 производимых трактора). Следовательно, Красная армия в военное время должна насчитывать 260 дивизий и иметь в строю 40 тыс. самолетов и 50 тыс. танков¹⁵. Позже, в своих записках на имя Сталина от 19 июня и 30 декабря того же года, Тухачевский подробно обосновал свои предложения. Так, говоря о танковых войсках, он отверг как устаревшее представление о том, что все танки должны быть «специального военного образца». Такие машины, по его мнению, опять-таки должны иметь лишь узко специальное назначение – прежде всего подавление противотанковой артиллерии противника; их доля в общей численности танковых войск должна составлять около трети, в то время как остальная часть танкового парка, предназначенная главным образом для использования во втором и третьем эшелонах уже после прорыва вражеской обороны, должна состоять даже не из танков как таковых, а из бронированных тракторов¹⁶. Именно такой подход и позволил Тухачевскому напрямую связать возможные темпы производства танков в будущем с мощностью тракторной промышленности, на чем, в свою очередь, были основаны его предложения о развертывании производства танков в военное время. Аналогичные предложения он высказывал и об авиации¹⁷. Как показали дальнейшие события, более адекватным было мнение начальника Штаба РККА Б.М. Шапошникова, который в своей записке на имя Ворошилова от 13 февраля 1930 г. за № 017086сс по поводу предложений Тухачевского обратил внимание на то, что «танки для своего изготовления требуют особых цехов и приравнивать их производство в эквивалентном отношении к тракторному не приходится», что, по его словам, подтверждалось и данными разведки¹⁸.

Впрочем, тогдашним прогнозам будущей войны, видимо, вообще был свойственен некоторый элемент фантастичности. Еще одно интересное наблюдение приводит Л. Самуэльсон в своей книге «Красный колосс». Анализируя советские планы производства боеприпасов на случай войны, составленные в период III пятилетки, он пишет, что принятые тогда методы расчетов «вели к установлению уровня потребностей в несколько сот миллионов снарядов на год войны. В настоящее время хорошо известно, что фактическое производство снарядов за все годы Великой Отечественной войны не превысило ста миллионов штук. Следовательно, в предвоенные годы, в особенности, в 1939–1941 гг., советское руководство, военные и плановые работники пытались достичь уровня производства боеприпасов, который значительно превышал реальные потребности военного времени»¹⁹. Невольно напрашиваются параллели с ситуацией лета 1941 г., когда Красная армия по количеству танков в строю, по крайней мере, в 5 раз превосходила Вермахт, в то время как сильнейший дефицит радиостанций делал огромные советские мехкорпуса неповоротливыми и трудноуправляемыми. В свойственной советскому руководству гигантомании, которая привела к подобному дисбалансу в снабжении армии, могли сказаться и преувеличенные представления о масштабах будущей войны.

Непростым оказался вопрос о том, будет ли предстоящая война маневренной или позиционной. В 1923 г. Тухачевский в статье «Об обороне» прогнозировал маневренный характер будущей войны. Первая мировая война, писал автор, была в основном позиционной (за исключением первых месяцев) не потому, что наступательные вооружения были хуже оборонительных, а потому, что их производство в нужном объеме сумели наладить лишь к концу войны. Произойди это раньше – и война снова стала бы маневренной²⁰. К тому же Тухачевский предполагал, что в новой войне, по крайней мере в начальный ее период, плотность артиллерийского и пулеметного огня обороняющейся стороны будет ниже, чем в конце Первой мировой войны²¹. Впоследствии он несколько изменил свое мнение. В уже упоминавшейся статье «Война как

проблема вооруженной борьбы» он склоняется к тому, что «с возможностью затяжной позиционной войны нельзя не считаться и в будущем», ссылаясь на дальнейшее развитие средств обороны (прежде всего, пулеметного вооружения), а также на значительные сроки промышленной мобилизации²². Впрочем, полностью от первоначальных своих прогнозов он так и не отказался, по-прежнему связывая позиционный характер Первой мировой войны с ошибками ее участников в предвоенный период, а превращение будущей войны в позиционную считал возможным предотвратить заблаговременной заботой о создании необходимых средств борьбы и обучения войск искусству современного наступательного боя²³.

Несколько иную точку зрения высказывал Триандафиллов. Он не отрицал возможность маневренной войны, однако прогнозировал относительно низкие темпы продвижения наступающих войск: до столкновения с главными силами противника – не более 8–10 км в сутки, в зоне фронтального столкновения – и того меньше, 5–6 км в сутки, и даже при использовании большого количества танков – 10 км в сутки. Ближайшая задача, по его мнению, состояла в том, чтобы путем создания механизированных частей повысить темпы наступления до 20–25 или даже 35–50 км в сутки²⁴.

В дальнейшем развитие военной техники, а также продолжающееся организационное совершенствование вооруженных сил (в том числе создание крупных механизированных частей и соединений), казалось, должны были создать благоприятные условия для развития маневренных форм борьбы. Однако сомнения оставались. На определенном этапе сказался и своеобразно истолкованный опыт Гражданской войны в Испании, позиционной по своему характеру. Не сложилось единого мнения в отношении опыта начавшейся Второй мировой войны. Хотя и германо-польская война, и боевые действия в Западной Европе в 1939–1940 гг. имели ярко выраженный маневренный характер, не все представители советского руководства и военной элиты были согласны с тем, что столкновение таких исполинов, как Германия и СССР, будет развиваться аналогичным образом.

Своеобразно был воспринят и опыт войны 1939–1940 гг. с Финляндией. Одной из отличительных черт советской военной мысли 1940 г. стало представление о том, что не только Финляндия или Франция, но и другие страны строят по периметру своих границ линии долговременных укреплений, и поэтому в будущей войне маневренными действиям будет предшествовать продолжительный период «прогрызания» этих укреплений с целью вырваться на оперативный простор²⁵. По-видимому, было даже принято решение скорректировать соответствующим образом пропаганду. Начальник Политического управления РККА Л.З. Мехлис в своем докладе «О военной идеологии», сделанном 13 мая 1940 г. на совещании, созванном наркомом обороны, призвал к преодолению характерного, по его мнению, для советских вооруженных сил «увлечения примата маневренной войны и недопонимания борьбы за прорыв (так в тексте. – М.М.) современных оборонительных сооружений типа линии Мажино, Зигфрида и им подобных». «Если говорить сегодня о главной опасности в вопросах военной доктрины, – продолжал Мехлис, – то главной нашей опасностью является недооценка трудностей маневренной войны. Проявляется также и недооценка трудностей прорыва укрепленной полосы»²⁶. Он подверг резкой критике пренебрежительное отношение к обороне и отступлению, отметив, что это вполне естественные и часто необходимые виды боевых действий²⁷. Критике подвергся и лозунг о непобедимости РККА. Непобедимых армий не бывает, подчеркивал Мехлис, на войне возможны любые неожиданности: «Армии надо прививать *дух уверенности* в свою мощь (так в тексте. – М.М.) но не в смысле хвастовства. Хвастовство о непобедимости приносит вред армии»²⁸. Как покажут события лета 1941 г., эти благие пожелания, по-видимому, по большей части остались лишь на бумаге.

Какие же практические выводы были сделаны военно-политическим руководством страны по результатам описанных выше исследований и как они повлияли на содержание советской военной доктрины тех лет?

«Стратегия сокрушения» и доктрина «ответного удара»

Прежде всего необходимо было определиться с базовыми принципами военной доктрины. Еще в 1920-х гг. развернулась оживленная дискуссия о том, нужен ли Советскому Союзу мощный флот. Со времен Петра I Российская империя стремилась стать великой морской державой. Бытовало мнение, что и молодому большевистскому государству необходимо наращивать свои военно-морские силы, чтобы снова получить возможность бороться за господство на море. Тухачевский решительно возражал против этого. Опираясь на опыт Первой мировой войны, он настаивал, что СССР, в силу своего географического положения, должен придерживаться «континентальной» стратегической концепции, т.е. строить мощные сухопутные силы и ВВС, тогда как флот должен выполнять лишь вспомогательные задачи; прежнее стремление Германии и России к господству на море, по его мнению, приводило лишь к неоправданным затратам сил и средств и в этом отношении стало одной из причин их поражения в 1914–1918 гг.²⁹ В 1928 г. «континентальная» концепция Тухачевского была принята военно-политическим руководством страны³⁰. Однако еще до этого, в 1925–1927 гг., среди самих сторонников этой концепции обнаружили серьезные разногласия. Камнем преткновения стал выбор между так называемой стратегией сокрушения, предполагающей активные действия с целью скорейшего разгрома противника, и «стратегией измора», ключевой идеей которой было «занятие важной промышленной или производящей области неприятеля, или даже только оборона своих наиболее географически ценных районов с переносом центра тяжести на экономический фронт (любимый способ действия англосаксов) и политическую агитацию»³¹. Начало этой дискуссии было положено еще до революции. Сторонниками «стратегии сокрушения», к примеру, были практически все крупные русские военачальники периода Первой мировой войны: А.А. Брусилов, М.В. Алексеев и другие³². В СССР 1920-х гг. концепцию «сокрушения», которая впоследствии и была принята военно-политическим руководством страны, среди военных теоретиков представляли, в частности, Тухачевский и Триандафиллов. Наиболее известным сторонником «стратегии измора» был А.А. Свечин.

Претензии Тухачевского к теории Свечина состояли в следующем. Во-первых, непонятно, как можно достичь уничтожения противника, не обрушившись на него вооруженной силой – следовательно, «стратегия измора» делает бессмысленной саму вооруженную борьбу. Далее, непонятно также, почему стратег-«изморист» (выражение Тухачевского) обладает большей свободой выбора, нежели «сокрушитель» (такого термина мне у Тухачевского не попадалось, но думаю, что в сочетании с предыдущим он был бы уместен). Свечин, по мнению Тухачевского, не учитывает прочность союза между советским пролетариатом и крестьянством, международную пролетарскую солидарность, не принимает во внимание тот факт, что советское наступление, несомненно, будет поддержано местным населением, переоценивает силу капиталистических государств и армий. Таким образом, теория Свечина является упадочной, ее автор не умеет применять положения марксизма, не понимает характер будущих революционных войн³³.

Сходную точку зрения высказывал и Триандафиллов. В своем труде «Характер операций современных армий» он, не называя прямо имени Свечина, также критикует теорию «измора» как упадочную. По мнению Триандафиллова, трудности, с которыми сталкивается современное оперативное искусство, не могут быть основанием к тому, чтобы отказываться от сокрушительных ударов по врагу. Он предлагает и политический аргумент: нанесение глубоких ударов по войскам противника не только расстраивает его армию, но и приводит к росту социальной напряженности в тылу, облегчая перерастание войны в гражданскую; даже во время войны с Польшей в 1920 г., хотя она и окончилась неудачно для Красной армии, советским войскам все же удалось на какое-то время поставить польское государство на грань краха и гражданской войны³⁴.

На рубеже 1920-х и 1930-х гг. споры между «измористами» и «сокрушителями» завершились окончательной победой последних. Свечин в 1931 г. был арестован.

В феврале 1932 г. он был освобожден и вернулся на службу в РККА, но был отстранен от активной деятельности в области военной теории. Концепция «сокрушения» оставалась преобладающей в представлениях советского руководства вплоть до начала Отечественной войны. Она была закреплена и во Временном полевом уставе Красной армии 1936 г. (ст. 1–2); подчеркивалось также, что в случае войны боевые действия будут вестись на уничтожение, с переносом их на территорию противника, вплоть до полного его разгрома³⁵. В статье 5 устава отмечалось, что боевые действия могут принимать как маневренный, так и позиционный характер.

В это же время утвердилась новая концепция начального периода войны. Во второй половине 1920-х гг. еще считалось, что началу войны будет предшествовать ее официальное объявление (или же объявление мобилизации, которое теперь фактически приравнивалось к объявлению войны), а отмобилизование, сосредоточение и развертывание главных сил на театре военных действий будет происходить уже после ее фактического начала³⁶. После вторжения японцев в Маньчжурию в 1931 г. в среде советских военных, равно как и среди политических руководителей страны, утвердилась новая концепция начального периода войны – так называемое «вползание в войну». Она предполагала, что боевые действия будут начинаться без формального объявления войны, внезапным вторжением на территорию противника заблаговременно отмобилизованных специальных войск вторжения. Поэтому предлагалось еще в мирное время создать на приграничных территориях «армии прикрытия», содержащиеся по штатам, близким к штатам военного времени, с большим количеством подвижных частей. В случае начала войны перед ними ставилась задача немедленно начать наступление на территорию противника с целью сорвать мобилизацию, сосредоточение и развертывание его армии, тем самым прикрывая аналогичные мероприятия на своей территории. Отмобилизование армий прикрытия должно было производиться скрытно, еще до начала войны. Таким образом, ставился знак равенства между армиями вторжения и армиями прикрытия³⁷.

Теория «сокрушения» и концепция «вползания в войну» в совокупности составили сценарий вероятной войны в целом, известный как «стратегия ответного удара» и лежавший в основе советского военного планирования вплоть до весны 1941 г.: в начальный период войны под прикрытием армий вторжения происходит отмобилизование, сосредоточение и развертывание главных сил, которые в дальнейшем переходят в наступление. Симптоматично, что при таком подходе действия обороняющейся стороны практически ничем не отличались от действий агрессора, поскольку перед нею ставились, в сущности, такие же активные наступательные задачи, как и перед стороной нападающей. При этом, разумеется, отмечалось, что хотя, с одной стороны, успешные действия армий вторжения могут не просто затруднить, но и полностью сорвать мобилизацию противника, с другой стороны, их возможности не следует переоценивать, поскольку противник, скорее всего, будет действовать аналогичным образом. Однако при переходе от общих рассуждений к характеристике конкретных театров военных действий, на которых предстояло воевать Красной армии, прогнозы становились более оптимистичными. Так, например, начальник Штаба РККА А.И. Егоров в своих тезисах «Тактика и оперативное искусство РККА на новом этапе», подготовленных по поручению РВС СССР в первой половине 1932 г., предполагает, что имеющиеся на советских границах водные преграды и укрепленные районы способны в значительной степени гарантировать от срыва сосредоточения главных сил РККА наземными силами противника³⁸. Понятие «ответного удара», таким образом, носило не более чем условный характер. Как следствие, стратегическая оборона и тем более стратегическое отступление изначально исключались из расчетов, что делало советское планирование заведомо безальтернативным.

Боевые действия в Западной Европе в 1939–1940 гг. продемонстрировали новый сценарий начала войны. Опыт вторжения германских войск в Польшу показывал, что современные войны начинаются не действиями армий прикрытия, пусть даже наступательными, а внезапным вторжением на неприятельскую территорию главных сил

нападающей армии, целиком отмобилизованных, сосредоточенных и развернутых на границе еще в мирное время, причем их отмобилизование, сосредоточение и развертывание производятся постепенно, на протяжении нескольких месяцев. Это крайне затрудняет работу разведки, которой приходится пристально следить буквально за каждым перемещением войск на территории соседней страны, и не дает военно-политическому руководству государства, на которое планируется нападение, возможности с уверенностью судить о том, действительно ли идет подготовка к агрессии, или это лишь угроза. Наоборот, нападающая сторона с самого начала войны получает колоссальное преимущество перед противником, что может повлиять на исход всей войны в целом. Сходным образом рассматривался и опыт кампании 1940 г. во Франции³⁹.

В СССР, однако, так и не сложилось единого мнения по поводу того, как следует оценивать опыт последних войн. В то время как Г.С. Иссерсон и ряд других военных деятелей предполагали, что новый способ начала войны является универсальным, и Советскому Союзу следует с этим считаться, их оппоненты настаивали на том, что из опыта германо-польской войны и боевых действий в Западной Европе в 1940 г. не следует делать поспешных выводов, поскольку в обоих случаях Вермахт имел дело с заведомо более слабым врагом, который к тому же явно зазнался и потерял всякую бдительность. По-настоящему большая война между равноценными противниками (в том числе между Германией и СССР), скорее всего, будет начинаться в соответствии с прежней теорией «вползания в войну». Лишь в мае 1941 г. советское военное планирование было перестроено на основе новой теории начального периода войны, предполагавшей нанесение внезапного удара по неприятельским войскам главными силами собственной армии с целью не дать противнику возможности завершить развертывание.

Задачи технических родов войск

В военно-доктринальных установках советского руководства нашли свое отражение также постепенно уточнявшиеся представления о роли военной техники в будущей войне и ее влиянии на методы ведения боевых действий. В Полевом уставе РККА 1929 г. «бронесилы» рассматриваются пока лишь как средство поддержки пехоты и конницы. Статья 206 устава допускает использование танков для совместной атаки с пехотными частями, для выполнения самостоятельных задач в глубине оборонительной полосы в связи с действиями пехоты и артиллерии, для совместных действий с конницей на флангах противника и, наконец, в составе моторизованных частей на флангах и в прорывах⁴⁰. В ст. 210 специально подчеркивается, что танки являются не более чем дополнительным средством поддержки пехоты, «которая и без танков должна быть способна осуществить прорыв». Способность к самостоятельным действиям признается пока только за стратегической конницей (ст. 9, абз. 4–6). Устав построен на основе традиционной на тот момент тактики; предполагается, что успех в бою будет достигаться путем последовательного подавления расчленений боевого порядка противника (ст. 8, абз. 2). Однако сделан и первый шаг к будущей тактике глубокого боя: ст. 207 (абз. 1–2) позволяет командиру дивизии выделить часть приданных ей танков в эшелон дальнего действия, предназначенный «для борьбы с артиллерией противника, а при большом количестве танков и для дезорганизации работы его тыла», но «только при наличии мощных артиллерийских средств, способных подавить огонь основных очагов противника, или при придаче танков больше батальона».

Во Временном полевом уставе 1936 г. описанные установки получили свое дальнейшее развитие. Устав по-прежнему признает значительную роль кавалерии, но налагает ряд ограничений, отсутствовавших в предыдущей редакции. Подчеркивается, в частности (ст. 7, абз. 11–15), что действия конных частей должны надежно прикрываться с воздуха, поддерживаться во всех случаях мощным артиллерийским и пулеметным огнем и при каждой возможности действиями танков. Отмечается, что в новых условиях коннице часто придется действовать в пешем строю, к чему она должна быть подготовлена. В уставе 1936 г. появляются механизированные соедине-

ния, предназначенные для выполнения самостоятельных задач как во взаимодействии с прочими родами войск, так и в отрыве от них (ст. 7, абз. 16). Способность к самостоятельным действиям признается и за авиационными соединениями (ст. 7, абз. 17). В уставе закреплена новая тактика глубокого боя. Подчеркивается, что «современные технические средства борьбы позволяют достигнуть одновременного поражения боевого порядка противника на всю глубину его расположения» (ст. 9). Соответственно в наступательном бою предусматривается применение наряду с танками поддержки пехоты также танков дальнего действия с целью уничтожения резервов, артиллерии, штабов и парков противника, а также выхода на пути его отхода. Оборона, в свою очередь, должна быть прежде всего противотанковой, с активнейшим использованием естественных и искусственных препятствий, с созданием в глубине расположения противотанковых районов, приспособленных для круговой обороны, в которых должны располагаться подвижные резервы.

Наступление – «основной вид боевых действий Красной армии»

Еще одна характерная для описываемого времени тенденция состояла в противопоставлении наступательных действий оборонительным, причем наступление рассматривалось как «основной вид боевых действий Красной армии», а оборона – как второстепенный, вынужденный, и отрабатывалась зачастую по остаточному принципу. Эта концепция возникла в самом начале 1920-х гг., во время первых дискуссий о военной доктрине. Еще в июле 1921 г. М.В. Фрунзе, в то время командующий вооруженными силами Украины и Крыма, в своей статье «Единая военная доктрина и Красная армия» утверждал, что РККА должна руководствоваться своей собственной стратегией, ориентированной на решительное наступление, даже несмотря на тяжелое экономическое положение СССР. Он ссылаясь на опыт Гражданской войны, имевшей маневренный характер; на марксистские построения об особых свойствах рабочего класса, его особой активности, инициативности и изобретательности, из которых, по его мнению, вытекала необходимость разработки новой, пролетарской, особо активной и подвижной, наступательной, стратегии и тактики; на взгляды Ленина (а также Маркса) на стратегию и тактику пролетариата в период завоевания власти, требовавшие активных наступательных действий (тем самым Фрунзе фактически переносил взгляды, относящиеся к вооруженному восстанию, на действия армии в войне между государствами); на особый характер будущих войн (вторжение советских войск приведет к революционному восстанию рабочих). Фрунзе возражал Л.Д. Троцкий. Предостерегая от любых попыток построить особую, «марксистско-ленинскую», стратегию и тактику, он предлагал ориентироваться на реальные возможности страны и готовить армию к различным видам боевых действий, включая маневренные и позиционные, наступление, стратегическую оборону и стратегическое отступление с целью выиграть время и перейти в наступление, когда настанет подходящий момент, в том числе, если придется, с рубежей в глубине страны. В ходе дискуссии, развернувшейся в 1921–1922 гг. и завершившейся на XI съезде РКП(б), теория Фрунзе была отвергнута. Тем не менее сам он придерживался ее вплоть до смерти, считая оборонительную стратегию не более чем временным решением⁴¹.

По-видимому, аналогичных взглядов придерживались Сталин и Ворошилов, а также Тухачевский и Триандафиллов. Во всяком случае, нечто подобное можно встретить в статье Тухачевского 1923 г. «Об обороне» и в книге Триандафиллова «Характер операций современных армий». Следует, правда, отметить, что Триандафиллов при этом рассматривал современную оборону как более сложный вид боевых действий: «Вообще же в современной обороне требуются более сильные войска, более сильные кадры, чем в наступлении. Предпосылок для паники, для разложения, для бегств (так в оригинале.– М.М.) сейчас больше, чем было раньше»⁴².

Представление о приоритете наступательных действий по сравнению с оборонительными было закреплено и в Полевом уставе РККА 1929 г. (ст. 3, абз. 2–3). В течение

1930-х гг. оно постепенно стало преобладающим. Если в докладе начальника боевой подготовки РККА А.Я. Лапина на расширенном заседании РВС СССР 22–26 октября 1931 г. вопросы наступательной и оборонительной подготовки рассматриваются еще как одинаково важные⁴³, то в докладе А.И. Егорова на заседании Военного совета при наркомате обороны 8–14 декабря 1935 г. среди задач по оперативной подготовке на 1936 год оборонительные задачи просто не названы; в тексте доклада перечислены только наступательные задачи (операция вторжения, действия подвижных соединений в оперативной глубине, марш-маневр армии, прорыв укрепленной полосы и его развитие, завоевание господства в воздухе, действия флота по разгрому противника). Приоритет наступательных действий был подтвержден и во Временном полевом уставе 1936 г. (ст. 2, абз. 5). Призыв Свечина пересмотреть господствующее отношение к обороне и всячески «культивировать» умение обороняться, поскольку «неумение обороняться, естественно, приводит к неумению вовремя поставить точку в наступательной операции»⁴⁴, так и не был услышан.

Недооценка роли обороны оставалась господствующей тенденцией и в канун Великой Отечественной войны. К этому добавилась идеологическая установка о будущей войне как о войне на чужой территории, победа в которой будет достигнута быстро и малой кровью. Во второй половине 1930-х гг. этот мотив стал преобладающим в советской пропаганде⁴⁵. Некоторое отрезвление пришло после войны с Финляндией, но и оно было далеко не полным. Очень показателен в этом отношении уже упоминавшийся доклад Л.З. Мехлиса «О военной идеологии» (13 мая 1940 г.). В своем выступлении Мехлис резко критикует пренебрежительное отношение к обороне и отступлению, которые, по его мнению, в действительности являются вполне естественными и часто необходимыми видами боевых действий. Симптоматично, однако, что главным видом боевых действий начальник Политического управления РККА считал все-таки наступление во всех его формах. Что же касается обороны и отступления, то о них Мехлис говорит лишь как о вынужденных шагах в случае неожиданных кризисов на отдельных участках фронта⁴⁶. В сущности, Мехлис не сказал ничего принципиально нового, поскольку еще 20 января 1938 г. Сталин в разговоре на приеме депутатов Верховного совета в Большом Кремлевском дворце упомянул о том, что «плоха та армия, которая научилась наступать и не научилась отступать... Армия, которая научилась наступать, но не обучена в деле отступления, будет разгромлена»⁴⁷. Вряд ли, произнося эти слова, генсек мог представить себе, насколько близким к реальности окажется впоследствии его прогноз. Однако принципиальных изменений в понимании истинной роли обороны, по-видимому, так и не произошло ни в 1938 г., ни в 1940-м. Уже осенью 1940 г. начавшаяся, было, кампания по борьбе с «шапкозакладательскими» настроениями стала сходиться на нет. Неудачи в Зимней войне начали связывать исключительно с тяжелыми природными условиями, в которых приходилось действовать Красной армии. Стойкость финских солдат стала рассматриваться как своеобразная аномалия⁴⁸. По-видимому, такая пропаганда сказалась не только на настроениях солдатских масс.

Есть свидетельства того, что на совещании высшего командного состава РККА в декабре 1940 г. как основной воспринимался именно доклад Г.К. Жукова (в то время командующего войсками Киевского особого военного округа) «Характер современной наступательной операции»⁴⁹; по-видимому, так воспринимал его и сам Жуков⁵⁰. В своем докладе он в числе прочего подчеркнул, что до сих пор «главные усилия *передовых армий* шли по линии содания *наступательных средств* ведения войны»⁵¹ (курсив мой. – М.М.). Упомянул он и о том, что оборонительные действия – менее сложные, чем наступательные: французская и английская армии, по его словам, в силу разных причин «оказались неподготовленными к ведению современной войны, *не готовыми не только для активных наступательных операций, но оказались даже не готовыми успешно вести оборонительную войну*»⁵² (курсив мой. – М.М.).

«Наступательный порыв» докладчика был столь высок, что сроки для подготовки к наступательной операции определялись всего в несколько дней, причем по завершении очередной операции предлагалось немедленно начинать следующую. В сущно-

сти, именно такой подход был использован позднее в печально известной директиве Главного военного совета № 3 от 22 июня 1941 г., которая предписывала мощными концентрическими ударами силами нескольких фронтов окружить и уничтожить основные наступающие группировки противника и к исходу 24 июня овладеть районами Люблина и Сувалок (sic!)⁵³. Результатом этого решения, как известно, стал разгром советских войск в приграничных боях в июне–июле 1941 г.⁵⁴

О том, что оборонительные действия проще наступательных, а передовой стратегией является наступательная, говорил и Сталин на совещании 14–17 апреля 1940 г. при ЦК ВКП(б) по «сбору» опыта боевых действий против Финляндии. Финская армия, по мнению генсека, характеризовалась отсталостью стратегического мышления, выразившейся в абсолютизации пассивной обороны в укрепленных районах при неумении вести более сложные наступательные действия. Сталин особо отметил, что финны за все время войны не предприняли ни одного серьезного наступления или даже контратаки против РККА, ограничившись лишь мелкими диверсиями. По его мнению, они переняли это отсталое мышление у своих «учителей»: англичан, французов, еще раньше – немцев. Таким образом, заключал он, Красная армия в Финляндии победила не только финнов, но и устаревшую оборонительную стратегию передовых стран Западной Европы⁵⁵.

Ход военных приготовлений СССР в последние предвоенные месяцы (выдвижение главных сил приграничных военных округов на вновь присоединенные территории, консервация укрепленных районов на линии старой границы, создание таких соединений, как Пинская и Дунайская военные флотилии и т.д.) также говорит о том, что далеко отступить не планировалось ни при каком раскладе. Представление, будто отступление будет недолгим, сохранялось и в начале Великой Отечественной войны⁵⁶. Более того, по крайней мере, части советских полководцев не удалось избавиться от прежнего увлечения наступательными действиями даже после ее окончания⁵⁷. Инерцию довоенных представлений не пересилил даже опыт неудачных операций 1941–1942 гг.

Интересно проследить также, как описанные выше теоретические представления и доктринальные установки влияли на содержание советских стратегических планов, которые разрабатывались Генеральным штабом в 1940–1941 гг. на случай войны с Германией.

Советские стратегические планы 1940–1941 гг.

Первый вариант стратегического плана был подготовлен приблизительно к середине августа 1940 г.⁵⁸ Проект не получил одобрения, и 18 сентября на рассмотрение Сталина и Молотова был представлен новый вариант⁵⁹; его немного исправленная редакция была утверждена 15 октября. Принципиальное различие между этими двумя планами состояло в распределении сил на Западном театре. Если августовский проект предусматривал развертывание главных сил к северу от Полесья, то в сентябрьском рассматривались уже 2 варианта развертывания: к северу от Полесья и к югу от него; выбор в пользу одного из них предлагалось сделать уже во время войны, исходя из обстановки. «Северный» вариант развертывания в целом воспроизводил августовский проект стратегического плана, «южный» предусматривал нанесение главного удара силами Юго-Западного фронта с целью во взаимодействии с войсками левого крыла Западного фронта разгромить люблинско-сандомирскую группировку противника и в дальнейшем развивать наступление в направлении на Кельце, Краков и далее на Бреслау (Братислава). Как августовский, так и сентябрьский проекты стратегического плана были построены в соответствии с концепцией «ответного удара» и предусматривали переход советских войск в решительное наступление по завершении развертывания. Вариант перехода к стратегической обороне не предусматривался. Задачи войскам на оборонительный период войны ставились лишь в самом общем виде и не были увязаны с предполагаемыми действиями противника (в отличие, например, от подготовленного тогда же стратегического плана на случай новой войны с Финляндией без участия Гер-

мании⁶⁰). Считалось само собой разумеющимся, что к моменту окончания стратегического развертывания начертание линии фронта будет благоприятствовать дальнейшим операциям советских войск. Более того, в обоих проектах германские войска на момент начала советского наступления охарактеризованы как сосредотачивающиеся, что, вообще говоря, не только не исключает, но и предполагает начало войны по инициативе СССР, несмотря на то что формально речь шла об отражении агрессии. Предпочтительным для Красной армии в сентябрьском проекте стратегического плана назван «южный» вариант развертывания как более подходящий для наступления.

С описанными проектами стратегического плана перекликаются и проведенные в январе 1941 г. в Москве 2 оперативно-стратегические игры на картах (2–6 января – на северо-западном направлении, 8–11 января – на юго-западном). Хотя эти игры, по-видимому, проводились с целью дать высшему руководящему составу дополнительную практику управления войсками в современной войне и не предназначались для отработки и корректировки принятого стратегического плана в чистом виде⁶¹, они все же позволяли оценить вероятные перспективы ведения боевых действий на северо-западном и юго-западном стратегических направлениях. На первой игре наступление «восточных» под руководством командующего войсками Западного особого военного округа генерал-полковника танковых войск Д.Г. Павлова захлебнулось. Напротив, на второй игре «восточным» под руководством Г.К. Жукова удалось добиться значительных успехов. По-видимому, именно в связи с этим обстоятельством от «северного» варианта стратегического развертывания было решено отказаться окончательно, и из уточненного плана развертывания вооруженных сил на Западе и на Востоке этот сценарий был исключен⁶².

Наконец, не позднее 15 мая 1941 г. был подготовлен последний проект стратегического плана⁶³. В отличие от предыдущих, он предполагает уже не ответный удар, а нападение на германские войска главными силами Красной армии, скрытно отмобилизованными и развернутыми еще в мирное время. Подобное решение обосновывается тем, что «Германия в настоящее время держит свою армию отмобилизованной, с развернутыми тылами» и, таким образом, «имеет возможность предупредить нас в развертывании и нанести внезапный удар». Замысел первой операции основан на прежнем «южном» варианте развертывания, с определенными коррективами. Иными словами, весной 1941 г. советские генералы отказались, наконец, от устаревшей теории «вползания в войну» и приняли новую концепцию начального периода войны, предполагавшую внезапное вторжение на территорию противника главных сил нападающей армии. Симптоматично, однако, что и в этих условиях единственно приемлемое для них решение состояло в том, чтобы самим напасть на Германию; о стратегической обороне речи по-прежнему не шло. Вопрос, был ли майский проект стратегического плана утвержден Сталиным, остается предметом острых дискуссий, однако анализ его текста⁶⁴ наталкивает на мысль, что данный документ по всем признакам является вполне естественным явлением для своего времени и его авторы, скорее всего, рассчитывали на его утверждение Сталиным, которое могло быть и устным. Во всяком случае, отсутствие подписи генсека под документом не может считаться достаточным аргументом в пользу гипотезы о том, что план был им отклонен⁶⁵. К тому же в мае–июне 1941 г. советская сторона приступила к осуществлению предусмотренных майским планом мероприятий по скрытному отмобилизованию и развертыванию, что также заставляет рассматривать указанный план как действующий документ⁶⁶. Более того, в ходе начавшегося стратегического развертывания в состав первого стратегического эшелона были включены не войска прикрытия, а главные силы Красной армии; роль второго стратегического эшелона отводилась стратегическим резервам. Это тоже свидетельствует об отказе от прежней концепции «вползания в войну»⁶⁷. Да и маловероятно, чтобы в условиях советской действительности последних предвоенных лет документ, подобный майскому проекту стратегического плана, мог быть подготовлен военными иначе как по поручению Сталина. В противном случае его авторы за свою инициативу могли поплатиться жизнью⁶⁸.

Как бы то ни было, нападение Германии 22 июня 1941 г. сделало майский стратегический план невыполнимым, поскольку советские войска не успели завершить развертывание на Западном театре. Интересно, однако, что с началом немецкой агрессии советской стороной были отвергнуты и планы прикрытия границы⁶⁹. Вместо того, чтобы ввести их в действие еще 21 июня короткой шифрованной телеграммой (по сути дела, просто кодовым сигналом), как было оговорено в самих планах, в войска была направлена длинная и несколько невразумительная директива Главного военного совета за № 1, в которой содержался перечень конкретных мероприятий по переходу в боевую готовность, но ключевые фразы о введении в действие планов прикрытия отсутствовали. Не было их и в изданной утром 22 июня директиве № 2 об отражении агрессии. Наконец, вечером 22 июня появилась директива № 3, но в ней говорилось уже о немедленном переходе в контрнаступление⁷⁰. Это не соответствовало как тем теоретическим представлениям, на которых был основан майский проект стратегического плана, так и прежней концепции «ответного удара», в соответствии с которой наступление должно было начаться только после того, как завершится сосредоточение главных сил. К тому же войска получили лишь ограниченные задачи (захват Люблина и Сувалок), что тоже не соответствовало не только майскому, но и более ранним проектам стратегического плана. Описание дальнейших задач в директиве отсутствует. Поражает и сам текст документа, составленный с нарушением едва ли не всех мыслимых и немыслимых законов и принципов оперативного искусства и штабного дела⁷¹. Таким образом, с началом войны советское руководство практически сразу же перешло к импровизации, причем даже планы прикрытия границы, разработанные, казалось бы, специально на этот случай, были признаны не подходящими для сложившейся ситуации. Симптоматично, однако, что и в данном случае советская сторона не отказалась от довоенной доктрины «сокрушения». Решение о переходе к стратегической обороне было принято лишь спустя несколько дней, когда приграничное сражение уже было проиграно.

Подведем итоги. На всем протяжении межвоенного периода доминирующим оставалось представление о грядущей войне как о войне затяжной, которая потребует всеобщей мобилизации и полной перестройки всей жизни страны на военный ритм. В этом сыграл свою роль опыт Первой мировой войны, к которому впоследствии добавилось продолжающееся интенсивное развитие военной техники. Таким же устойчивым было и представление об исключительной роли технических родов войск в будущей войне. Концепция малочисленных, сверхмеханизированных армий не получила широкого распространения, и преобладающей осталась убежденность, что массовые армии сохраняются и в техническую эпоху. Все эти представления, выработанные военно-теоретической мыслью, были приняты военно-политическим руководством как составная часть военной доктрины. Не сложилось единого мнения по вопросу о том, будет ли предстоящая война маневренной или позиционной. Наблюдения за дальнейшим совершенствованием вооружений и анализ опыта новых войн и военных конфликтов так и не позволили определить с достаточной степенью уверенности, какая из этих тенденций является преобладающей. В результате было выбрано компромиссное решение о том, что армию необходимо готовить и к маневренным действиям, и к действиям в условиях позиционной войны.

Серьезные изменения на протяжении изучаемого периода претерпели по сути лишь те представления, содержание которых было в наибольшей степени детерминировано конкретным эмпирическим опытом. Так, по мере развития военной техники возрастала и роль, отводившаяся техническим родам войск в будущей войне. Если еще в конце 1920-х гг. танки рассматривались лишь как новое мощное средство поддержки пехоты, то в 1930-х гг. появились бронетанковые части, а затем и соединения, предназначенные для самостоятельных действий, что, в свою очередь, позволило радикально модернизировать тактику и оперативное искусство, разработав теорию глубокого боя и глубокой операции. Впрочем, в осмыслении роли техники в современной войне советское руководство оказалось тем не менее довольно консервативным. Несмотря на

постоянные разговоры о том, что конница в современных условиях неуклонно теряет свое значение, СССР продолжал содержать многочисленные кавалерийские соединения, в том числе и в европейской части страны. Другой пример представлений, обусловленных конкретным опытом, – это представления о начальном периоде войны, которые претерпели радикальные изменения первый раз в начале 1930-х гг., а затем, хотя и с запозданием, – в 1939–1941 гг.

Важно, однако, отметить, что за основу советской военной доктрины в межвоенный период была принята теория «сокрушения», предполагавшая постоянное ведение активных действий, нацеленных на скорейший разгром врага. «Стратегия измора», направленная на затягивание войны и истощение противника без нанесения ему сокрушительных ударов на фронте, была отвергнута. Более того, характерной для официальной стратегической концепции будущей войны стала хроническая недооценка роли обороны в современной войне. Очень показательны, что в советском понимании тех лет агрессивная война и действия по отражению агрессии должны были развиваться практически одинаково (отмобилизование и развертывание главных сил под прикрытием активных и, по возможности, наступательных действий войск прикрытия, затем переход в сокрушительное наступление).

Весной 1941 г. представление о внезапном вторжении главных сил как наиболее вероятном способе развязывания войны, наконец, возобладало над прежней теорией «вползания в войну», что привело к отказу от доктрины «ответного удара», но не от концепции «сокрушения» как таковой. Видимо, именно этим объясняется то обстоятельство, что последний известный на данный момент – майский – проект стратегического плана войны с Германией, предполагает опять-таки не стратегическую оборону, а нанесение внезапного удара по частям Вермахта главными силами РККА. Принятая военная доктрина просто не допускала иных вариантов.

По-видимому, теория «сокрушения» была принята в СССР априори, и никакие особенности конкретной складывающейся обстановки уже не могли заставить советское руководство отказаться от нее. Такой подход делал односторонней и несбалансированной боевую подготовку и безальтернативным – военное планирование, но это так и не было осознано. Как следствие, в условиях неожиданного нападения Германии руководители СССР, вынужденные импровизировать, в конечном итоге все равно поступили в соответствии с доктриной, которой придерживались еще в предвоенный период, отдав войскам приказ о переходе в контрнаступление. В новых условиях такое решение обернулось катастрофой.

Примечания

¹ *Арцыбашев В.А.* Начальный период войны в представлениях командного состава РККА в 1921–1941 гг.; Дис. ... канд. ист. наук. М., 2004; *Кулешова Н.Ю.* Военно-доктринальные установки сталинского руководства и репрессии в Красной армии конца 1930-х годов // Отечественная история. 2001. № 2. С. 61–72; Отечественная военная доктрина: (В историческом измерении: от великого князя Дмитрия Донского до первого российского президента Бориса Ельцина). М., 1996. Следует отметить также монографию *Н.С. Симонова* «Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление» (М., 1996) и работу *С.Т. Минакова* «Советская военная элита 20-х годов» (Орел, 2000); однако эти 2 исследования посвящены все же более широкой проблематике, чем перечисленные выше, и представлениями советского руководства о будущей войне их авторы уделяют лишь ограниченное внимание.

² Военная энциклопедия. В 8 т. Т. 3. М., 1995. С. 101.

³ Советская военная энциклопедия. В 8 т. Т. 3. М., 1977. С. 225.

⁴ *Тухачевский М.Н.* Избранные произведения. Т. 1. М., 1964. С. 252.

⁵ *Триандафиллов В.* Характер операций современных армий. М.; Л., 1929. С. 5.

⁶ РГВА, ф. 9, оп. 34, д. 97, л. 13 об. – 14.

⁷ *Триандафиллов В.* Указ. соч. С. 48–53.

- ⁸ См.: РГВА, ф. 4, оп. 1, д. 1470, л. 275; оп. 16, д. 15, л. 139 об.
- ⁹ *Триандафиллов В.* Указ. соч. С. 65.
- ¹⁰ РГВА, ф. 4, оп. 18, д. 54, л. 481–485.
- ¹¹ РГАСПИ, ф. 74, оп. 2, д. 37, л. 95.
- ¹² Накануне войны: Материалы совещания высшего руководящего состава РККА 23–31 дек. 1940 г. М., 1993. С. 129.
- ¹³ *Факел*, 1990. М., 1990. С. 237.
- ¹⁴ *Тухачевский М.Н.* Избранные произведения. Т. 2. С. 186–187.
- ¹⁵ История создания и развития оборонно-промышленного комплекса России и СССР, 1900–1963: Док-ты и мат-лы. Т. 3. Ч. 1. М., 2008. С. 405–409.
- ¹⁶ РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 446, л. 9, 66–71.
- ¹⁷ Там же, л. 9 об.
- ¹⁸ Там же, д. 447, л. 29.
- ¹⁹ *Самуэльсон Л.* Красный колосс: Становление военно-промышленного комплекса СССР, 1921–1941. М., 2001. С. 221–222.
- ²⁰ *Тухачевский М.Н.* Избранные произведения. Т. 1. С. 109–113.
- ²¹ См. его статью «Модные заблуждения», написанную в том же году: *Тухачевский М.Н.* Избранные произведения. Т. 1. С. 174–176.
- ²² *Тухачевский М.Н.* Избранные произведения. Т. 2. С. 11.
- ²³ См., например, статью «О новом Полевом уставе РККА», опубликованную в «Красной звезде» 6 мая 1937 г. (цит. по: *Тухачевский М.Н.* Избранные произведения. Т. 2. С. 248).
- ²⁴ *Триандафиллов В.* Указ. соч. С. 114–120, 141–146.
- ²⁵ См., напр. *Бирюзов С.С.* Суровые годы, 1941–1945. М., 1966. С. 38–39; Накануне войны. С. 339; Зимняя война 1939–1940. Кн. 2: Сталин и финская кампания: (Стенограмма совещания при ЦК ВКП(б)). М., 1998. С. 143, 187, 262.
- ²⁶ «Ложные установки в деле воспитания и пропаганды»: Доклад начальника Главного политического управления РККА Л.З. Мехлиса о военной идеологии, 1940 г. // Исторический архив. 1997. № 5–6. С. 88.
- ²⁷ Там же. С. 88–89.
- ²⁸ Там же. С. 89–90.
- ²⁹ *Минаков С.Т.* Советская военная элита 20-х годов. Орел, 2000. С. 457–458.
- ³⁰ Там же. С. 460.
- ³¹ *Свечин А.А.* Стратегия. М., 1926. С. 56–57.
- ³² *Минаков С.Т.* Указ. соч. С. 463.
- ³³ См., напр.: *Тухачевский М.Н.* Избранные произведения. Т. 2. С. 134–140.
- ³⁴ *Триандафиллов В.* Указ. соч. С. 161–163.
- ³⁵ Ссылки на устав даются по изданию: Временный полевой устав РККА: (ПУ-36). М., 1938.
- ³⁶ *Арцыбашев В.А.* Указ. соч. Гл. I. § 1.
- ³⁷ Там же. Гл. II. § 1.
- ³⁸ *Егоров А.И.* Тактика и оперативное искусство РККА на новом этапе // Военно- исторический журнал. 1963. № 10. С. 35.
- ³⁹ *Иссерсон Г.С.* Новые формы борьбы. М., 1940. С. 29–30, 36–38; *Арцыбашев В.А.* Указ. соч. Гл. III. § 1.
- ⁴⁰ Ссылки на устав даются по изданию: Полевой устав РККА (1929). М.; Л., 1935.
- ⁴¹ *Кулешова Н.Ю.* Указ. соч. С. 62–65.
- ⁴² РГВА, ф. 4, оп. 14, д. 760, л. 15 об.
- ⁴³ Там же, оп. 16, д. 11, л. 1–5.
- ⁴⁴ Постигание военного искусства: Идеиное наследие А. Свечина. М., 1999. С. 374.
- ⁴⁵ *Невежин В.А.* Синдром наступательной войны: Советская пропаганда в преддверии «священных боев», 1939–1941 гг. М., 1997. С. 53.
- ⁴⁶ «Ложные установки в деле воспитания и пропаганды». С. 88–89.
- ⁴⁷ РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 1121, л. 8.
- ⁴⁸ *Невежин В.А.* Указ. соч. С. 139.

⁴⁹ Казаков М.И. Над картой былых сражений. М., 1971. С. 53.

⁵⁰ Баграмян И.Х. Мои воспоминания. Ереван, 1979. С. 170.

⁵¹ Накануне войны. С. 129.

⁵² Там же.

⁵³ Приказ Народного комиссара обороны Союза ССР военным советам Северо-Западного, Западного, Юго-Западного и Южного фронтов № 3, 22.6.41 // Великая Отечественная война, 1941–1945: Военно-исторические очерки. Кн. 1. М., 1998. С. 499. Ср. напр.: Баграмян И.Х. Указ. соч. С. 231; Рокоссовский К.К. Солдатский долг. М., 1980. С. 16–17.

⁵⁴ См. об этом подробнее: Михайлов А. Оперативно-стратегический аврал: В армии понимали пагубность оперативного замысла, но не смели перечить Сталину // Независимое военное обозрение. 2000. 24 марта.

⁵⁵ Зимняя война 1939–1940. Кн. 2. С. 281–282.

⁵⁶ Баграмян И.Х. Указ. соч. С. 242–243.

⁵⁷ См. Василевский А.М. Дело всей жизни. М., 1975. С. 107–108, 112; Мерецков К.А. На службе народу: Страницы воспоминаний. М., 1969. С. 423. Ср.: Баграмян И.Х. Указ. соч. С. 243.

⁵⁸ Текст плана см.: 1941 год: В 2 кн. Кн. 1. М., 1998. С. 182–190.

⁵⁹ Там же. С. 238–249.

⁶⁰ Там же. С. 253–260.

⁶¹ О январских оперативно-стратегических играх см. подробнее: Бобылев П.Н. Репетиция катастрофы: (По материалам совещания высшего командного состава Красной армии в декабре 1940 г. и оперативно-стратегических игр на картах в январе 1941 г.) // Военно-исторический журнал. 1993. № 6. С. 10–16; № 7. С. 14–21; № 8. С. 28–35.

⁶² Уточненный план стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на Западе и на Востоке // Военно-исторический журнал. 1992. № 2. С. 18–22. Текст плана опубликован также в уже цитировавшемся сборнике «1941 год» (Кн. 1. С. 741–746), но с еще более значительными сокращениями, нежели в «Военно-историческом журнале».

⁶³ 1941 год. Кн. 2. С. 215–220.

⁶⁴ См. об этом подробнее: Миц М.М. Будущая война в представлениях военно-политического руководства СССР в 1927–1941 гг. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2007. С. 153–156.

⁶⁵ Ср.: Данилов В.Д. Сталинская стратегия начала войны: планы и реальность // Отечественная история. № 3. С. 33–44; *его же*. Готовил ли Генеральный Штаб Красной армии упреждающий удар по Германии? // Готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера? Незапланированная дискуссия: Сб. мат.-лов. М, 1995. С. 84–85.

⁶⁶ Ср., напр.: Бобылев П.Н. К какой войне готовился Генеральный штаб РККА в 1941 году? // Отечественная история. 1995. № 5. С. 3–20; *его же*. Точку в дискуссии ставить рано: К вопросу о планировании в Генеральном штабе РККА возможной войны с Германией в 1940–1941 годах // Отечественная история. 2000. № 1. С. 41–64; Данилов В.Д. Сталинская стратегия начала войны: планы и реальность; Небезжин В.А. Сталинский выбор 1941 года: оборона или... «лозунг наступательной войны»? (По поводу кн. Г. Городецкого «Миф “Ледокола”») // Отечественная история. 1996. № 3. С. 62.

⁶⁷ Арцыбашев В.А. Указ. соч. Гл. III. § 2.

⁶⁸ См.: Данилов В.Д. Готовил ли Генеральный штаб Красной армии упреждающий удар по Германии? С. 84–85; Небезжин В.А. Сталинский выбор 1941 года... С. 61.

⁶⁹ Опубликованы в «Военно-историческом журнале» (1996. № 2, 3, 4, 5, 6) под общим заглавием «Конец глобальной лжи». Составители публикации предлагают рассматривать их в качестве оперативных планов отражения агрессии, что неверно: по майскому проекту стратегического плана они должны были быть введены в действие еще до начала войны, на последних этапах стратегического развертывания, а по более ранним планам – в начальный период войны; оперативные же планы округов и армий, в соответствии с которыми должны были действовать главные силы по завершении развертывания, не опубликованы до сих пор.

⁷⁰ Великая Отечественная война, 1941–1945... Кн. 1. С. 499.

⁷¹ См. об этом подробнее: Михайлов А. Указ. соч.